

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФИИ

Ларс Свендсен
Философия философии

«Прогресс-Традиция»

2004

УДК 18
ББК 87.774

Свендсен Л.

Философия философии / Л. Свендсен — «Прогресс-Традиция», 2004

ISBN 978-5-89826-510-6

В очень популярной, доступной форме известный норвежский философ Л. Свендсен дает свое оригинальное видение того, что же такое философия. Наука о мудрости – такое определение предлагает автор. Философствовать – значит подвергать сомнению свое понимание себя. Ведь философия – не просто поиск мудрости, внешней по отношению к нам, это неизбежность встречи с собственным невежеством, это необходимость задавать себе неудобные вопросы, сомневаться во всем, что ты знаешь и чем являешься. Этот глубоко личный аспект философии проходит путеводной нитью через всю книгу. Опираясь на западную философскую традицию, автор рассказывает об основах философии, о взаимосвязях философии и литературы, науки, о доминирующих ныне школах аналитической и континентальной философии, о прошлом и будущем философии, которую он считает бессмертной...

УДК 18
ББК 87.774

ISBN 978-5-89826-510-6

© Свендсен Л., 2004
© Прогресс-Традиция, 2004

Содержание

Введение	6
Глава 1. Что такое философия?	9
Глава 2. Основание философии	13
Глава 3. Философия и наука	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ларс Свендсен

Философия философии

Lars Fr. H. Svendsen
Hva er filosofi

© Universitetsforlaget, 2004
© Е. Воробьева, перевод, 2017
© Г. Ваншенкина, оформление, 2017
© Прогресс-Традиция, 2017

* * *

Что же такое философия?.. Философия стремилась постичь бытие... Но стану ли я счастливее, если постигну его?.. И что это на самом деле значит: постичь бытие?.. Что значит постичь этот вот стол? – Я крепко ухватился за столешницу и потряс ее. – Что это, черт побери, означает! – Я не могу постичь ничего, кроме собственных мыслей!...

Ханс Егер, Из жизни богемы Христиании (1885)

Введение

Философствовать – значит подвергать сомнению понимание себя. Ведь философия не просто поиск мудрости, внешней по отношению к нам, это неизбежность встречи с собственным невежеством, это необходимость задавать себе неудобные вопросы, сомневаться во всем, что ты знаешь и чем являешься. Этот глубоко личный аспект философии будет служить нам путеводной нитью через всю книгу.

Я думаю, важно не забывать о причинах, по которым мы начинаем заниматься чем бы то ни было, и в том числе философией. Большинство людей приходят к изучению философии, столкнувшись с теми или иными экзистенциальными проблемами. Так было и со мной. Я был весьма растерянным подростком, которому не доставало ориентиров в этой жизни, и надеялся, что философия мне поможет. В ходе изучения моя растерянность не уменьшилась, скорее, даже наоборот, – но я втянулся в сам процесс. По неведомым причинам поиск решения философских проблем приносил мне ни с чем не сравнимое наслаждение.

Несколько лет спустя я уже зарабатывал свой хлеб философией. Но при этом я утратил кое-что важное. Постепенно философия стала приносить мне все меньше радости, превращаясь в такую же работу, как любое другое занятие. Философия стала скучной. И тут меня осенило, что проблема не в самой философии, а в том, *как* я над ней работаю. Я стал *профессиональным* философом, и этим определялись методы моей работы. Поэтому, завершив работу над докторской диссертацией, я решил оставить профессиональную философию и попытаться вернуть радость. Я решил написать книгу о преследовавшей меня скуке и, таким образом, применить философию к собственной жизни в надежде, что это покажется интересным и другим людям. Работа над книгой реабилитировала философию в моих глазах: я вспомнил об экзистенциальных предпосылках, побудивших меня выбрать эту область знаний десять лет назад.

Получая профессиональное образование, легко потерять из виду исходную причину, по которой мы вообще обратились к философии. В итоге мы превращаемся в специалистов по философии, которая никак не связана с реальным опытом, в которой нет жизни, которая занимается лишь более или менее абстрактным обсуждением проблем, интересных только узкому кругу. Эта книга выросла из идеи, что философия имеет *общечеловеческое* значение, и для того, чтобы оставаться актуальной в наши дни, философия должна обратиться к людям.

Когда мне предложили написать книгу о том, что такое философия, я сразу загорелся этой идеей. Над этим вопросом так или иначе размышлял каждый философ, и, скорее всего, многие хотели бы рано или поздно написать об этом. Вероятно, к подобной задаче следует подступаться, лишь имея за плечами долгие годы занятий философией. С другой стороны, в основе всякой философской деятельности, независимо от того, на какой стадии развития мы находимся, лежит тот или иной взгляд на саму сущность этой науки, и попытка изложить этот взгляд довольно очевидный шаг. Когда мне поставили условие, что книга должна иметь объем около ста страниц и быть довольно доступной по содержанию, я призадумался. Возможно ли осветить эту тему должным образом, оставаясь в заданных границах?

Эта книга не расскажет вам об истории философии от античности до наших дней, хотя некоторые отсылки к истории философии в ней, безусловно, присутствуют. Она также не является общим введением в философию, поскольку для этого пришлось бы довольно глубоко осветить в ней различные дисциплины в рамках философии – к примеру, метафизику, теорию науки, этику, эстетику и логику. Отдать должное всем этим разделам в заданных мне границах было бы просто невозможно. Скорее, «Философия философии» – это попытка достаточно сжато и доступно объяснить, что такое философия вообще и каковы ее аспекты. Отвечая на вопрос, что такое философия и какой она должна быть, я ни в коем случае не пре-

тендую на объективность. Любая метафилософия – теория о сущности философии, ее цели и возможностях – создается под влиянием определенных философских воззрений автора.

Невозможно изложить все существующие взгляды на философию в рамках одной книги, и я решил ограничиться западной философской традицией. Гегель пишет, что истоки «настоящей» философии лежат в античности. Таким образом, он исключает из спектра философских учений труды индийских мыслителей, относя их скорее к религии. Уязвимость подобной позиции состоит в том, что и в западной традиции граница между философией и религией не всегда была четкой. Вместе с тем Гегель по-своему прав. Понятие «философия» имеет греческое происхождение, и изначально оно использовалось для обозначения только одной философской традиции, сложившейся в Древней Греции. Существуют и другие философские традиции, которые роднит с западной философией стремление к обретению мудрости, но на страницах данной книги я не буду обсуждать взаимоотношения между западной и восточной философией, равно как и вопрос о том, правомерно ли применять термин «философия» за пределами западной традиции. Даже в пределах «западной философии» существует бесчисленное количество различных учений, развивающихся параллельно, сближающихся, пересекающихся и вновь расходящихся в своем развитии. Но в силу того что все они исторически происходят из античной философии, они оказываются достаточно близки, чтобы можно было отнести их к одной традиции.

Кроме того, в настоящей книге вы не найдете истории развития понятийного аппарата философии от античных времен до наших дней. И хотя я нередко буду ссылаться на различные источники по истории философии, основной акцент я делаю на современном состоянии философской науки. Тем не менее, очевидно что для ясного понимания того, чем философия *является* и *должна являться* сегодня, необходимо понимать также и то, чем она *являлась* прежде, поскольку в истории философии можно найти множество альтернатив сегодняшним философским методам.

И хотя я старался сделать книгу как можно более доступной, мне не удалось полностью избежать применения специальной терминологии. Пожалуй, такая книга должна служить в первую очередь картой философского ландшафта. Как и любая другая, эта карта содержит множество названий. Тому, кто немного знаком с философией – в особенности новейшей философией – большинство этих названий будут знакомы. Для прочих читателей я привожу ссылки на философские энциклопедии.

Ограниченный объем книги не позволяет подробно рассказать обо всех философских школах и традициях – франкфуртской, кембриджской и оксфордской школах, но одна из глав посвящена различию между аналитической и континентальной философией, поскольку это различие сыграло – и до сих пор играет – решающую роль в развитии современной академической философии. И хотя эта книга написана норвежским автором, в ней вы не найдете описания воззрений норвежских философов, в первую очередь потому, что отдельной философской традиции, которая бы коренным образом повлияла на понимание того, что есть философия, в Норвегии не существует. Точно так же не существует и отдельной истории норвежской философии. Нельзя сказать, чтобы Норвегия особенно выделялась на карте современного философского ландшафта, о чем мы говорили выше. Пожалуй, самой любопытной чертой норвежской философии является необыкновенно большое число профессиональных философов, что, в свою очередь, объясняется потребностью в большом количестве преподавателей для подготовки студентов к обязательному экзамену по философии, который сдают в бакалавриате и магистратуре.

В главе 1 я даю краткое изложение различных вариантов ответа на вопрос «Что такое философия?», после чего пытаюсь поразмышлять о том, почему мы начинаем заниматься философией и на каких основах покоится философская наука (глава 2). Затем я останавливаюсь на взаимоотношениях между философией и наукой (глава 3), литературой (глава 4)

и историей философии (глава 5). В следующем разделе (глава 6) я рассказываю о расколе между аналитической и континентальной философией, сильно повлиявшем на современную философскую традицию. Таким образом, в первых шести главах я постепенно описываю инвентарь, которым пользуется философская наука. В оставшихся главах, которые с одной стороны более нормативны, а с другой – более субъективны, я рассказываю о том, какой *должна быть* современная философия с моей точки зрения. В главе 7 я обосновываю метафилософскую позицию, которую можно назвать прагматическим плюрализмом или перспективизмом. Затем я привожу аргументы за то, что философия снова должна стать *любомудрием* (глава 8), и показываю, в чем именно деятельность профессионального философа не соответствует этому идеалу (глава 9). И наконец, я объясняю, почему философия будет существовать всегда (глава 10).

Работая над этой книгой, я, как и всегда, получал ценные комментарии от друзей и коллег. Я многим обязан Анне Гранберг, Эйвинну Раббосу, Ингрид Углевик, Кнуту Оготнесу и Кнуту Олаву Омосу.

Глава 1. Что такое философия?

Что такое философия? На это вопрос можно дать множество ответов, и все они будут очень разными. Можно ответить описательно и дать детальное описание проблем, решением которых занимаются и занимались философы, то есть перечислить философский инвентарь. Можно обратиться к социологической науке и ответить описанием и анализом того, чем занимаются философы по роду деятельности, насколько мне известно, подобное исследование никогда не проводилось. Можно попытаться дать ответ, продемонстрировав типичное решение какого-нибудь философского вопроса. А можно ответить нормативно, то есть описать, какой *должна* быть философия.

Чтобы оставаться живой, философия не должна ограничивать себя рамками, в которых она существовала прежде. Кроме того, она не должна соответствовать пониманию философии, которое было принято в определенное время. Границы и методы философии всегда составляют одну из ее проблем, и они всегда открыты для пересмотра. Нет такого философского аргумента или утверждения, которое нельзя было бы оспорить. Не существует и общепринятых методов или общепринятых авторитетов, к которым мы могли бы обратиться. Абсолютно все элементы философии, включая и легитимность существования самой философской науки, могут быть подвергнуты сомнению. В платоновском диалоге «Теэтет» Сократ говорит, что главный вопрос не в том, о чем бывает знание или сколько бывает знаний, а в том, что такое знание само по себе. Как правило, философия обращена не к частностям, но к общему, она пытается ответить на вопросы вроде «Что есть предмет?» или «Что такое чувства?». Впрочем, эта нацеленность на общее нередко становилась поводом для критики. Так, Витгенштейн утверждает, что важнейшее требование к философскому исследованию – отдать должное феноменам и что самые большие сложности возникают у нас именно из-за ориентированности на общее, заставляющей нас пренебречь опытом, который можно почерпнуть из частных. В философии ничего нельзя принимать как данность, даже сам предмет философии и ее определение. «Сущность» философии, если она вообще имеет место быть, невозможно объяснить, передать, скорее она заключается в деятельности, которая заставляет нас постоянно задаваться вопросом о ее цели и смысле.

Вопросы «Что такое математика?», «Что такое физика?», «Что такое биология?» – это не вопросы соответствующих наук. Это вообще не научные вопросы, а философские. И вопрос «Что такое философия?» – тоже философский. Таким образом, философия оказывается единственной дисциплиной, которая изучает саму себя. Каждый философ имеет какую-то метафилософскую позицию – явную или неявную, – поскольку любое философствование неизбежно строится на каких-то теоретических предпосылках. Эти предпосылки можно обсуждать на метафилософском уровне. Всякая философия содержит в себе – или, по крайней мере, подразумевает – некое понимание сущности и целей философии. Некоторые авторы редуцируют это понимание до одной-единственной характеристики – метода (к примеру, лингвистического анализа) или определенного содержания, – другие опираются на более сложную концепцию. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что явная или неявная рефлексия, присущая всякой философии, делает невозможным нейтральный ответ на вопрос о том, чем является философия и чем она должна быть.

Невозможно провести совершенно четкую границу между философией и тем, что ею не является, не причинив ущерб собственно философии. К примеру, мы не можем однозначно отделить философию от науки, с одной стороны, и искусства, с другой. Разумеется, существуют философские концепции, посвященные именно такому разграничению, однако эти концепции всегда слишком поверхностны и не вмещают всех богатств, которые может предложить философия. Порой понятие «философия» употребляется в очень узком смысле,

когда определенная традиция или школа пытается присвоить его себе. Например, представитель какой-нибудь философской традиции может заявить, что философы другой традиции занимаются не «настоящей философией», а всего лишь «эмпирической психологией» или «историей идей». Ни одно сжатое определение не способно охватить все многообразие философии. Конечно, можно потрудиться и составить такое широкое определение, которое включит в себя все возможные варианты, но подобное определение окажется бесполезным, поскольку под него будут подпадать любые – хоть сколько-нибудь общие – попытки понять мир. Чуть точнее можно охарактеризовать философию как мышление о мышлении, то есть осмысление собственного восприятия. Но и это определение нельзя назвать удачным, поскольку многие философские учения описывают далеко не только наше *восприятие* различных феноменов, но и сами эти феномены.

Слово «философия» происходит от греческого φιλοσοφία – любовь к знанию, к мудрости. Таким образом, философ – любитель мудрости. Пифагор утверждал, что в то время, как обычные люди думают о преходящих удовольствиях и житейских тяготах, философ стремится к *истине*. Но ведь есть и другие люди, помимо философов, которые занимаются поиском истины: к примеру, журналисты или следователи. Истина как таковая оказывается слишком размытым критерием. Может быть, у философов и журналистов истина разная? Принято считать, что философ занят поиском «глубинной» истины, вечной и неизменной. Как тогда быть тем, кто не верит в вечные и неизменные истины и скептически настроен относительно «глубины», поскольку стремление к «глубине» явно говорит о пренебрежении поверхностным. Разве такие люди не могут быть философами? И как же Ричард Рорти, который считает, что истина вообще не является значимым аспектом философской деятельности, и чрезмерное стремление к истине скорее вредно, поскольку отвлекает наше внимание от более важных вопросов – к примеру, развития межличностной солидарности? Стоит упомянуть и Стивена Стича, который утверждал, что, если у человека сформировано ясное представление о предмете, истинность отдельных утверждений его уже не особенно волнует. Едва ли мы вправе утверждать, что Рорти и Стич не заслуживают называться философами исключительно из-за своих взглядов на ценность истины. Другими словами, мы не можем определить философию как особое отношение к истине.

Традиционно философские утверждения должны обладать двумя качествами: универсальностью и необходимостью. Универсальность означает, что они должны быть верны не только для одного человека, но для каждого человека. Необходимость здесь понимается как противоположность случайности: все происходит, согласно данному утверждению, не *случайно*, а потому, что *должно* произойти именно так. Однако со временем многие начали сомневаться, что в мире вообще существует что-либо, соответствующее этим двум критериями. Так что теперь требование к философским утверждениям только одно: они должны быть в некотором смысле фундаментальны. Многие философы пытались ответить на вопрос о том, что в мире наиболее фундаментально, и ответы были самыми разными – от «атомов» до «Бога». Нашлись и те, кто утверждал, что мы никогда не сможем получить достоверные знания о самом фундаментальном явлении, что бы это ни было, и даже не сможем узнать, существует ли вообще такое явление. Тем не менее отрицание возможности познания самого фундаментального явления и даже существования такового, само по себе фундаментальное утверждение, поскольку в нем задаются непреложные границы человеческого познания.

Существует ли вообще такая вещь, как строго философский вопрос? Всякий вопрос – это вопрос о чем-то, и философский вопрос тоже должен быть о чем-то. Но это *что-то* подразумевает некий предмет, и нам, таким образом, необходимо определиться с предметом философии, если таковой у нее имеется. Предмет философии – это все и ничего. Философия занимается формированием представления о мире и наших знаниях. Можно было бы возразить, что такова роль науки, но наука никогда не давала нам чего-то подобного, и чем дальше,

тем меньше способна его дать, поскольку научные дисциплины становятся все более узкими и специализированными. Разумеется, существуют ученые (и некоторые философы), которые пытаются вывести «теорию всего», но, как правило, такие теории служат лишь иллюстрацией провала, который ожидает любого эмпирика, попытавшегося подчинить себе метафизику.

С начала развития философии и вплоть до середины прошлого столетия одной из главных дисциплин философии была космология (хотя статус ее менялся с течением времени), которая, в частности, решала вопрос о фундаментальной структуре бытия. Однако сегодня космология как «теория всего» практически исчезла с карты философского ландшафта. И если сегодня кто-то и предложит «теорию всего», скорее всего, это будет адепт естественных наук, а не философии. Как правило, философы встречают подобные теории с большим скепсисом, который объясняется тем, что эти «теории всего» чаще всего страдают редукционизмом и чрезмерно упрощают ту область действительности, которую они якобы пытаются объяснить. Поскольку философия должна дать нам целостное представление о мире и наших знаниях, можно утверждать, что предметом философии является *всё*. Не существует ограничений на те предметы и проблемы, которые могут оказаться релевантными для философа. С одной стороны, философия занимается исследованием самых общих вопросов, какие только можно вообразить. Аристотель задавался вопросом, каковы признаки «сущего», иначе говоря – что такое *вещь*. С другой стороны, тот же Аристотель обсуждал множество других вещей – от лягушек до пьянства, ударяясь тем самым в противоположную крайность. Едва ли можно провести четкую границу, которая отделяет предметы, относящиеся к области философии, от предметов, которые однозначно к ней не относятся.

Вместе с тем справедливо будет утверждать, что зачастую философия вообще не имеет никакого предмета, а скорее занимается *размышлениями* о предметах. Другими словами, предметом философии может быть все что угодно, а потому попытка дать определение философии через ее предмет начисто лишена смысла. Поэтому существует мнение, что определяющим для философии служит не предмет, а метод. Но в философии используется такое разнообразие методов – в том числе логический анализ, диалектика, герменевтика, деконструкция, – что и здесь не удастся достичь полного согласия. Мы опять зашли в тупик.

В ходе истории термин «философия» употреблялся применительно к различным видам интеллектуальной деятельности. В античные времена не существовало четкой границы между философией и наукой, но постепенно происходит выделение различных областей науки – сначала астрономии, физики и химии, затем психологии и социологии. Тем самым область философии постепенно сужалась, поскольку многие ее участки уходили вновь возникающим наукам. С другой стороны, в наши дни слово «философия» применяется без всякого разбора: каждое уважающее себя предприятие должно иметь собственную «философию», под которой подразумевается та или иная управленческая практика. Если вы зайдете на интернет-страницу www.philosophy.com, вы обнаружите, что это сайт косметической марки. А сайт www.philosophy.org окажется в каком-то смысле «философским», поскольку он посвящен одной из форм современного движения New Age, не имеющего, впрочем, ничего общего с профессиональной философией. Ни один профессиональный философ не согласится, что в его деятельности есть что-нибудь общее с упомянутой маркой косметики или движением New Age. Звание философа не защищено никакими квалификационными требованиями, в отличие, к примеру, от звания психолога, так что философом может назваться всякий, кому придет в голову. Дональд Джайд однажды сказал: «Если кто-нибудь называет это искусством, значит, это искусство». Пожалуй, то же можно сказать и о философии: если некую деятельность называют философией, значит, так оно и есть. Мы хотели бы знать, что делает философию философией и что общего у всех видов деятельности, носящих такое название.

Здесь велико искушение прибегнуть к формальному определению искусства, которое существует в теории искусств. Эта теория была разработана Артуром Данто и Джорджем Дики и в общих чертах сводится к тому, что искусство – это продукт человеческой деятельности, которому приписан статус произведения искусства людьми, уполномоченными высказываться от имени определенного круга организаций из мира искусства. Применительно к философии получается, что философским может считаться такое произведение, которое назвали философским люди, уполномоченные на это определенными философскими организациями. В таком случае я, будучи научным сотрудником философского факультета при университете, мог бы решать, что является философией, а что нет. Но такое решение меня не устраивает, поскольку оно является чисто внешним, никак не связанным со свойствами, содержанием и формой самого объекта. В том, чтобы представители определенных учреждений могли по собственной воле присваивать чему-либо статус философии, мне видится слишком много произвола и слишком мало обоснованности. Должны быть какие-то критерии. Каковы же они?

Вопрос «Что такое философия?», судя по всему, основан на потребности провести границу между философией и не-философией. Он говорит о желании выделить необходимые и достаточные условия для того, чтобы с полным правом называть что-либо философией. Тогда можно было бы говорить о том, что некое учение или утверждение является философским тогда и только тогда, когда оно удовлетворяет критериями X, Y и Z. Но едва ли можно найти такие критерии, с которыми все однозначно согласится. Не существует одного или нескольких четких критериев, проводящих границу между философией и тем, что ею не является. Пожалуй, это и к лучшему.

Витгенштейн утверждает, что философа делает философом отсутствие членства в каком-либо «идейном кружке». Но в таком случае философов вообще не существует! Каждый философ принадлежит к какой-либо школе или как минимум традиции. Большая часть философской деятельности происходит в «рамках нормальной науки», пользуясь выражением Томаса Куна, или парадигмы. Парадигма ограничивает нас в выборе теоретических вариантов, сама по себе не являясь предметом для дискуссий. Парадигма очерчивает круг допущений, которые считаются верными, проблем, которые релевантны для изучения, и методов, которыми можно пользоваться в работе. Для «нормальной науки» характерно не ставить под сомнение парадигму, а принимать ее как данность, работать в ее рамках, развивать и уточнять ее. По большому счету именно так работают и философы, так что каждый философ в некотором смысле является членом «идейного кружка». Абсолютно самостоятельных мыслителей не существует, не был таким и сам Витгенштейн.

С другой стороны, в его утверждении есть зерно истины. Физик, работающий исключительно в рамках нормальной науки, вовсе не подвергая сомнению саму парадигму, может при этом быть блестящим физиком. А вот философ, который никогда не сомневается в своей парадигме – и не выходит, таким образом, за ее рамки, – не может быть по-настоящему хорошим философом. В рамках философии действует принцип постоянной самокритики, и благодаря ему невозможно одновременно быть настоящим философом и полностью подчинить свое мышление какой-то одной философской школе. Философия – это деятельность, а не набор догм, методов или истин, которые можно усвоить раз и навсегда.

Глава 2. Основание философии

Потребность в цельной картине

Мы подчиняемся интеллектуальному стремлению – возможно, даже потребности – иметь цельную картину бытия. Откуда возникает такая потребность? Причина в том, что в попытке прожить свою жизнь как можно лучше мы сталкиваемся с некоторыми проблемами. Какие цели ставить перед собой в жизни? Как найти смысл в цепочке происходящих с нами событий? Существует ли вообще какая-то осмысленная, цельная картина бытия, в которой мы должны занять свое место? Эпиктет утверждал, что причиной возникновения философии послужило осознание человеком своей слабости и неполноценности. Человеческая жизнь хрупка: смерть, несчастные случаи, разрыв отношений с другими людьми, ущерб, наносимый окружающим нашими собственными действиями, – как со всем этим жить? Мы не можем избежать этих вещей, не можем никак не оценивать их, ведь быть человеком – значит неизбежно оценивать себя. Вопрос, который запускает цепочку философских размышлений, часто носит экзистенциальный характер: В чем смысл жизни? Кто я? Этот вопрос может касаться и нашего познания: Что есть истина? Что я могу познать? Он может быть из области этики. Чем отличается добро от зла? Каковы границы моей этической ответственности за других людей? Этот вопрос может проистекать из интереса к устройству окружающего мира: бесконечна ли Вселенная или же ограничена во времени и пространстве? Может ли свобода воли существовать в мире, где действуют законы физики? Все люди имеют какое-то мнение по этим вопросам, даже если никогда не формулировали ответы. Философия – это попытка ответить на фундаментальные вопросы о самых общих свойствах действительности, о смысле человеческого опыта и нашем месте в мире, а также увязать все ответы в единую картину в надежде, что целое окажется не просто суммой своих частей.

Мы проживаем свою жизнь, опираясь на горстку расхожих мнений, привычек и предпочтений. Значительная часть этого набора усвоена нами от других. Прежде чем сформировать собственное представление о мире, мы впитываем чужие. Над большинством из них мы никогда не задумываемся – просто принимаем как данность. Но можно попытаться выяснить, каким образом некоторые из этих усвоенных представлений связаны с другими, какие из них выдержат проверку, а какие нет. Для этого придется начать думать самостоятельно. В основе философии, как я ее понимаю, лежит одна идея, выраженная в кантовском описании просветительской мысли как императива, заставляющего нас использовать *собственный разум* для преодоления своей беспомощности, в которой мы сами же и виноваты. Это не означает, что я отрицаю все, что говорили другие философы, – сам Кант построил свою философию в диалоге с предшествующими и современными ему философами, – но говорит о том, что я сам несу ответственность за свое понимание добра и зла и свои размышления. Человек должен сам прокладывать свой путь в познании и не признавать никаких авторитетов, кроме собственного разума. Философия поощряет нас постоянно сомневаться и задавать вопросы: кто мы есть, как мы живем, что есть истина, что есть добро и т. д. Мы должны сами задать эти вопросы и сами найти ответы, не перекладывая эту задачу на третьих лиц, пусть даже самых авторитетных. А потом мы должны поставить под сомнение найденные ответы, равно как и сами вопросы. Философия не приносит удовлетворения: мы постоянно заходим в тупик, бродим кругами, и нередко оказывается, что мы потратили годы, чтобы пройти путь, который никуда не ведет. Но мы продолжаем заниматься ею в надежде достичь большей ясности, найти наконец объяснение.

Большинство людей связывают философию с именами определенных *философов* – так, мы говорим о философии Платона или философии Ницше. Это не лишено смысла, поскольку отдельные личности оказывали сильное влияние на развитие философии в целом. Вместе с тем философия не сводится к изучению идей ряда более или менее канонизированных мыслителей – в ней есть элемент индивидуальности, ведь каждый из нас пытается найти *собственные* ответы. Мы *сами* берем на себя ответственность за свои размышления. Ницше пишет, что в конечном счете всякая философия есть не что иное, как исповедь сочинителя. Иоганн Готлиб Фихте подчеркивал индивидуальный элемент в философии, говоря, что философские убеждения человека тесно связаны с его личностью. Новалис не ограничивался и этим, утверждая, что *каждый* человек должен развить *собственную* философию. Пожалуй, он немного перегнул палку, ведь немногие из нас сподобятся создать систему взглядов, которую можно было бы со всей ответственностью назвать «собственной философией». Тем не менее Новалис указывает на одну важную вещь: философия должна быть индивидуальной. С моей точки зрения, философия заключается в первую очередь в *саморефлексии*. И, как отмечает Витгенштейн, философия – это прежде всего работа над собой, над своими представлениями и методами.

Основа философии

В диалоге «Теэтет» Платон утверждает, что в основе философии лежит изумление, Аристотель в «Метафизике» пишет, что людей побуждает философствовать удивление. А вот я бы сказал, что основа философии – замешательство. Вариант, предложенный Платоном, стал расхожей истиной, и зачастую складывается впечатление, что философия в том и состоит, чтобы изумляться. Но вы не станете выдающимся философом только оттого, что будете изумляться по каждому поводу. Изумление – или удивление, или отчаяние, или замешательство, раз уж на то пошло, – запускает философский процесс, но затем неизбежно встает вопрос, как двигаться дальше. Довольно-таки очевидно, что в конечном счете философ снова оказывается в состоянии изумления, удивления и т. п., но справедливо ожидать, что по дороге от одного изумления к другому он сумел сделать какие-то открытия.

Уильям Джеймс утверждает, что философия смотрит на знакомое как на нечто неизвестное, а на неизвестное – как на знакомое. Философствовать – значит в том числе пытаться ломать привычные шаблоны мышления и посмотреть на вещи по-новому. Еще Цицерон говорил, что не существует настолько абсурдной идеи, которая не приходила бы в голову какому-нибудь философу. Это обусловлено, в частности, слабостью, которую философия питает к радикальным решениям. Если чувства могут обманывать нас, наш ответ – сомневаться во всем! Если всеобщая и объективная мораль не существует, мы будем считать любые моральные нормы относительными. Если существование человеческого сознания противоречит материалистическим воззрениям, мы объявим сознание иллюзией. Подобные радикальные решения едва ли можно назвать практичными, но они показывают нам другую точку зрения. Главное – не принять полет фантазии за действительность.

Бертран Рассел писал, что сила философии в том, чтобы начать с чего-то столь очевидного, что об этом и говорить не стоит, и прийти к чему-то настолько парадоксальному, что этому никто не поверит. Очень заманчивая мысль, но она во всем противоречит моему опыту философствования, в ходе которого я скорее начинал с чего-то настолько сложного, что неясно, как подступиться, и пытался разобраться в этом достаточно, для того чтобы двигаться дальше. С этой точки зрения философия представляет собой продвижение от сложного к скучному. Ведь когда мы поняли какое-то явление – или нам просто показалось, что мы его поняли, – оно обычно предстает довольно банальным. Правда, позднее чаще всего оказывается, что мы что-то недопоняли, и тема снова становится увлекательной. Либо мы

переходим к следующей теме и пытаемся перевести ее из разряда непонятных в разряд тривиальных.

Витгенштейн пишет: «Философская проблема имеет вид: “Я не знаю, как из этого выбраться”». Вот и Хайдеггер описывает философию как тягу повсюду быть дома. Таким образом, философская проблема – это своего рода потеря ориентации, которая вызывает дискомфорт. Все начинается с ощущений, возникающих у нас в ответ на бытие. У истоков всякого философствования лежит личный *опыт*. А философия тогда является размышлением о смысле полученного опыта. Философия получает материал для работы и обоснование своей деятельности в том, что пережито. Это очень важно, поскольку означает, что, для того чтобы оставаться оправданным, философское размышление должно сохранять связь с опытом, давшим ему толчок. Трудность в том, что нередко мы, начиная размышлять, теряем из виду конкретный опыт и углубляемся во все более оторванные от реальности теоретические построения, со временем начинающие жить собственной, абстрактной жизнью. В результате мы имеем философию, не подкрепленную реальным опытом, и, с моей точки зрения, этой философии не хватает главного – связи со своей основой.

Здесь может возникнуть желание возразить, что источником философии служат прежде всего книги. Но любой человек, даже тот, кто не прочел в жизни ни одной книги, время от времени задумывается над философскими вопросами. Большинство из нас помнит, как, будучи детьми, мы впервые столкнулись с философской проблемой. Я, к примеру, сидел и размышлял, какой из органов чувств для меня важнее. Что было бы хуже – потерять зрение или слух? Сначала я закрыл глаза, потом открыл их, потом заткнул пальцами уши. Насколько пострадали бы мои взаимоотношения с миром, если бы я лишился одного из этих чувств? И каково было бы иметь одно-единственное чувство – к примеру, только обоняние, каким бы явился мне мир тогда? Некоторое время спустя я углубился в более абстрактные размышления. Я помню, как содрогнулся от мысли о том, что, возможно, все дорогие мне люди, моя семья, существуют лишь в моем воображении, во сне, и однажды я проснусь в полном одиночестве. Откуда мне знать, что они действительно существуют, что я их не выдумал? Думать об этом было неприятно. Разумеется, никакого удовлетворительного ответа я не нашел, но со временем я научился игнорировать сам вопрос. Впрочем, вскоре я задумался о смерти, и здесь справился не лучше. Сейчас я думаю, что мы часто приписываем детским высказываниям гораздо более глубокие и сложные философские смыслы, чем в них заложены, поскольку, очевидно, есть разница между предположением ребенка о том, что мир ему всего лишь снится, и аналогичными рассуждениями Декарта. С другой стороны, мы должны признать, что первые ростки философии появляются в наших умах в довольно раннем возрасте. Философия вырастает из нашего отношения к окружающему миру, другим людям и, в конце концов, к самим себе. История философии – это история человеческих попыток решить эти вопросы всеми возможными способами.

В своем знаменитом седьмом письме Платон пишет, что знание, к которому стремится философ, не найти в книгах, оно возникает в результате долгого учения, как искра в душе. Особенность философии в том, что ее невозможно сформулировать словами, как другие науки. Я не вполне согласен с тем, как Платон приравнивает философию к мистическому переживанию, а кроме того, я убежден, что всякое знание, не только философское, имеет такой недискурсивный, невыразимый аспект. Тем не менее, Платон высказывает очень важную мысль, а именно – что философия связана не только с полученными знаниями, но и с *опытом*. В том числе с опытом размышления, который преобразует человека. Эта идея находит выражение в метафоре пещеры, в которой фигурирует *пайдейя*, или образование. Размышления оказывают влияние на личность человека, они делают его лучше. Понимание истинной природы вещей меняет человека, и Платон говорит, что пленник, который «увидел свет», уже не сможет спокойно жить, вернувшись в пещеру. Ему будет трудно видеть в тем-

ноте, а если он расскажет другим пленникам, что видел, и попытается их освободить, они воспротивятся ему. Чтобы познать Истину и Добро, человек должен пройти путь познания. Метафизические размышления Платона порождены отнюдь не теоретическим интересом. Он хочет дать людям лучшую жизнь и убежден, что необходимым условием для этого является знание.

Цель – пребывать в мире осознанно. Думаю, именно это имеет в виду Новалис, описывая философию как ностальгию. Философия не чужда обычным людям: все мы так или иначе задумываемся над философскими вопросами. Человек – существо метафизическое. Кант считал метафизику *естественной предрасположенностью* человека. Для Канта наша склонность к метафизике столь же непреложна, как наше дыхание и чувственный опыт. Метафизику придумали не философы, она предшествовала философии, и задача философии – дать критический обзор этой метафизики, чтобы уберечь нас от иллюзий. Эти иллюзии тоже естественны, в том смысле, в каком естественны болезни, и Кант называет критическую философию лекарством от болезни разума, которая отравляет наше существо. Некоторые философы – к примеру, Платон и Спиноза – утверждали, что философия предназначена лишь для избранных. Кант же, напротив, считает, что философия открыта для всех, что сама идея философии демократична. В философии буквально каждый человек может сформировать свое мнение, и большинство мнений заслуживают серьезного рассмотрения. Велика вероятность, что они будут опровергнуты, но для этого нужны рациональные аргументы. В точных науках все обстоит иначе – профессиональному физика не требуется всерьез рассматривать мнение профана о строении элементарных частиц или другой физической проблеме. В философии это неизбежно. Философией пропитаны наш язык, политика, все наши поступки – другими словами, любая человеческая деятельность. Все философствуют, хотя и не все это осознают. И тем не менее философия часто кажется нам чуждой. Одна из причин состоит в том, что современная философия достигла достаточно высокого уровня абстракции и вдобавок может быть сложна для понимания. Другая причина заключается в полной перестройке мышления, которую нередко вызывает философия. Дело не только в пополнении своих знаний новыми фактами, но и в том, чтобы найти в себе мужество усомниться в базовых предпосылках, на которых строится наше понимание мира и самих себя. Мы должны просто-напросто научиться мыслить иначе – и на принятие философского стиля мышления может уйти немало лет. С этой точки зрения философия действительно оказывается чужеродной, потому что ее нельзя просто встроить в привычный образ мышления, который она как раз и подрывает. И если, к примеру, Платон, Кант или Гегель не кажутся поначалу непонятными – и не остаются непонятными еще очень долго после начала изучения, – то вы, судя по всему, просто ничего не поняли в их философии. Великая философия дает возможность посмотреть на мир под совершенно новым углом, и в этом она сродни великому искусству.

Разделы философии

В попытках понять бытие философы, принадлежащие к различным дисциплинам в рамках философской науки, пользуются различными инструментами и применяют их к различным явлениям. Традиционно к философии относят следующие пять дисциплин: (1) метафизика, или онтология: учение о том, что есть бытие, каковы наиболее фундаментальные свойства реальности; (2) эпистемология: учение о знании; (3) этика: учение о морали; (4) эстетика: учение о красоте и сущности искусства и (5) логика: учение о принципах правильного мышления. Помимо этих пяти, существует еще целый ряд других дисциплин, и некоторые из них по большому счету можно считать подразделами названных выше, а другие трудно отнести к какой-либо категории. Вот лишь часть из них: философия науки, фило-

софия языка, философия сознания, философия права, политическая философия, социальная философия, философия религии, философская антропология, феминистская философия, экофилософия и экзистенциальная философия. Этот список можно продолжать до бесконечности, так как трудно представить себе тему, которая не могла бы стать предметом для философствования. Границы между различными дисциплинами зачастую размыты. Логика является неотъемлемым элементом любой философской дисциплины, поскольку с ее помощью проверяется легитимность любых философских аргументов. С другой стороны, сама логика покоится на предпосылках из области метафизики. Также метафизика распространяется на область этики, поскольку она необходима для рассуждений о свободе воли и тому подобным вещам.

Можно ли сказать, что некоторые из этих дисциплин важнее других? Традиционно считалось – и до сих пор считается, – что философские дисциплины подчиняются иерархии, и наиболее фундаментальная из них главенствует над другими и считается «первой философией». Этот статус долгое время принадлежал метафизике, или онтологии. Однако в наше время ведущую роль играет эпистемология, иногда вкупе с логикой. Бертран Рассел утверждал, что логика лежит в основе философии, а не так давно китайский философ, математик и логик Хао Ванг привел новые аргументы в пользу того, что самой фундаментальной дисциплиной философии является именно логика. Необычную позицию занимает французский философ Эммануэль Левинас, утверждающий, что первой философией следует считать *этику*. Его утверждение базируется на идее, что в философской традиции всегда отдавалось предпочтение обезличенному представлению сущего в разуме, и тем самым полностью игнорировалось само сущее, несводимое к чему бы то ни было. С точки зрения Левинаса, самым фундаментальным опытом человека является его отношение к *Другому*, а поскольку в основе этого отношения лежит этика, значит, она и должна быть первой философией. Сам я придерживаюсь мнения, что никакой первой философии не существует, в том смысле, что не существует чего-то универсального, стоящего выше различных философских взглядов на мир. Я не считаю одни философские дисциплины более фундаментальными или *важными*, чем другие. Поэтому я отказываюсь от иерархического представления разделов философии, но считаю их равноценными, поскольку каждый из них может быть в той или иной степени применим при описании отдельных явлений.

Философские «данные»

Михаэль Тойниссен предложил считать метафизику не первой, а последней философией, поскольку она не предлагает «первичного толкования» мира, а скорее развивается *после* предложенных толкований – к примеру, научных – и пытается рационально определить истинность или ложность этих толкований. Философия вообще возникает только *после* того, как мы собрали данные в других научных областях. Не существует никаких «философских лабораторий» и соответствующих баз данных, которые имеются в других науках. Мы не проверяем философские теории путем наблюдения. Причина заключается в том, что философские теории, как правило, нейтральны по отношению к наблюдаемым явлениям. Разумеется, каждый философ отталкивается от того, что может наблюдать, но, в отличие от естествознания, философия существует в райских условиях доступности всех необходимых доказательств. И поскольку философия не относится к позитивным наукам, ее утверждения невозможно подвергнуть непосредственной проверке реальностью. Философия развивается не путем накопления эмпирических данных в новых областях, а скорее путем размышления над тем, что мы уже знаем. Чаще всего философские разногласия касаются не «фактов», хотя и тут возможны варианты. Разногласия возникают не вследствие того, что философские теории основываются на различных фактах, а вследствие того, что фактам придается

очень различное значение. Два противника на философском поле могут оперировать одними и теми же фактами, толкуя их по-разному. Если взять какой-нибудь классический философский вопрос, к примеру, вопрос о возможности свободной воли, мы едва ли приблизимся к ответу, совершая дополнительные наблюдения. То же касается и известного вопроса существует ли реальный материальный мир за пределами нашего сознания: идеалист и реалист не имеют разногласий относительно того, что мы можем наблюдать, но они склонны объяснять это по-разному. Философы не согласны друг с другом по поводу того, какие доказательства следует считать решающими, какие критерии должны лежать в основе выбора решающих доказательств. И хотя мы принимаем к рассмотрению различные виды «данных», нам придется выбирать, какие из них считать более весомыми, если они противоречат друг другу. Многие современные философы, особенно представители англо-американской традиции, отдают однозначный приоритет науке. Другие утверждают, что научные объяснения имеют смысл лишь постольку, поскольку они подтверждают наш повседневный опыт.

Итак, с какими же «данными» имеет дело философия? В общей сложности их можно разделить на четыре категории: (1) повседневный опыт, (2) общепринятые убеждения, (3) сохранившиеся в культуре или искусстве представления прошлого, (4) научные теории и факты. Между этими четырьмя категориями не существует жестких границ. Возьмем, к примеру, представление о гелиоцентрической системе мира. Это (2) общепринятое представление, которое (3) сохранилось в нашей культуре и (4) является научным фактом. Впрочем, оно противоречит (1) нашему повседневному опыту, поскольку для нас все выглядит так, как будто это солнце движется по небу. Получается, что философские «данные» могут противоречить друг другу, и не всегда легко определить, на какие из них следует полагаться. Бывает и так, что друг другу противоречат данные из одной категории. Я склонен утверждать, что именно противоречия и составляют основу философии. Мы начинаем философствовать, оказавшись перед лицом неразрешимого конфликта между различными представлениями, которые одновременно кажутся нам истинными, но при этом несовместимы друг с другом. К примеру, Кант использовал такие противоречия как предпосылки для собственной философии – так называемые антиномии. Примером такой антиномии является противоречие между убеждением, что все в мире подчиняется законам природы, и верой в свободу воли. Кант считал, что разрешение этих антиномий было прямым свидетельством, что его философия верна. Аристотель посвятил третью книгу «Метафизики» подобным противоречиям. Именно такие нестыковки в наших представлениях запускают цепочку философских размышлений, поскольку они фрустрируют нас и вызывают потерю ориентации.

Даже самые укорененные из наших представлений могут быть поставлены под сомнение. Это делается не для того, чтобы нарушить доверие к этим представлениям, – в случае, если они не пройдут проверку, – но для того, чтобы получить весомые основания для доверия. В этом случае мы слегка отстраняемся от того, что ранее принимали как данность, и признаем, что некоторые утверждения не обязательно верны просто потому, что мы считаем их верными. Впрочем, такое сомнение не может быть тотальным. Сомнение возможно лишь при условии, что мы считаем истинным нечто другое. Тем не менее порой нам приходится отказываться от самых фундаментальных представлений. Проблема заключается в том, что интуитивные представления могут быть очень различными, и философия в значительной мере состоит из споров о том, чьи интуитивные представления наиболее интуитивны. А разрешить этот вопрос однозначно не так уж просто. Наша интуиция может подводить нас, как и наши органы чувств. Но подобно тому, как мы все равно вынуждены полагаться на свой чувственный опыт, мы вынуждены полагаться и на интуитивные представления. Без них мы не можем заниматься философией, поэтому нам приходится принимать их на веру. Некоторые интуитивные представления можно отбросить, но нельзя отбросить их все. А «глубоким» интуитивным прозрениям мы придаем большой вес: если мы получаем резуль-

тат, который идет вразрез с нашими фундаментальными интуитивными представлениями, мы решаем, что этот результат ошибочен. И нужно все начинать сначала. Если вам казалось, что философы могут развивать теории, следуя только своему вдохновению, я вынужден вас разочаровать.

Философия как критика

Из-за узкой специализации большинство сегодняшних профессиональных философов гораздо более ограничены в развитии «увлекательных» метафизических теорий, чем представители естественных наук. Философы видели обрушение слишком многих метафизических замков, чтобы без опаски предаваться метафизическим рассуждениям. Мы не можем запретить кому бы то ни было – в том числе и философу – развивать метафизические теории, но мне кажется, что эта задача второстепенна по отношению к критической функции философии. Когда Кант называет свои философские труды «критикой», он не подразумевает тех негативных коннотаций, которыми это слово сопровождается в наши дни. Этимологически слово «критика» восходит к греческому *κριτική* – «искусство разбирать, судить, упорядочивать, исследовать». Критика – это не только доказательство отдельных утверждений, но и практика, призванная упорядочивать мышление и действие, отделять здоровое от нездорового. Критика – это бесконечный процесс, в котором разум постоянно участвует в разрешении новых противоречий.

Философские вопросы встают тогда, когда в наших понятиях возникает путаница, когда идеи входят в противоречие, когда в нашем уме сталкиваются несовместимые мысли, обойти которые никак не получается, и мы больше не знаем, как нам относиться к самим себе и к миру. Нам требуется навести ясность в своем уме и языке. У нас есть веские основания полагать, что абсолютно все, что происходит в мире, имеет *причину*, но нередко, запутавшись в терминах, мы говорим, что у всего есть *основание*, а это уже другая история. Размышляя о мире – а этим занимается каждый человек, – мы нередко попадаем в ловушку собственного языка. Витгенштейн отмечал, что нас часто вводят в заблуждение картины, встроенные в наш язык. С его точки зрения, задача философии состоит в обнажении этих «грамматических фикций» и демонстрации их беспочвенности. Вместе с тем такая форма философии может разочаровать того, кто ищет в философии «глубоких» откровений.

Глава 3. Философия и наука

Философия традиционно была тесно связана с религией, искусством и наукой. В конечном счете все эти дисциплины сводятся к стремлению познать мир и поместить человеческую жизнь в какой-то более широкий контекст. В нас заложена такая потребность. Самые спорные и неоднозначные понятия в нашем лексиконе связаны не с упорядочиванием отдельных фрагментов опыта, но с описанием всего опыта как единого целого. Основным инструментом для создания такой целостной картины всегда была – а во многих частях света и по сей день остается – религия, однако в современном западном мире эту роль приняла на себя наука. Некоторым направлениям философии удалось сформировать целые культуры и определить мировоззрение отдельных народов. В качестве примера можно привести античный стоицизм. Однако приходится признать, что в целом эту роль вплоть до настоящего времени играла религия, а теперь она отдана науке.

Философия как прародитель науки

Знание существовало до возникновения философии, а после ее возникновения продолжало развиваться и за ее пределами. Но наука – методический поиск доказуемых и точных знаний о мире – это философский проект, сформированный философскими школами античности, прежде всего платоновской Академией и аристотелевским Ликеем. С исторической точки зрения философия может считаться прародителем всех научных дисциплин. Древнегреческие философы изучали самые разные темы и объекты, и вся их деятельность считалась «философией». Сколько-то заметное разделение между философией и наукой наметилось лишь в середине XVII века, и тогда же между ними началось соперничество, в котором наука поразительно быстро одержала верх. Разрыв между философией и наукой был следствием взрывообразного развития научных дисциплин в эпоху научной революции. Наука существовала и до этого, в Античности и Средневековье, когда аристотелевские теории обладали большим авторитетом, однако в те времена наука считалась всего лишь разделом философии. То, что мы сегодня называем естествознанием, тогда было философией природы, или натуральной философией.

Тем удивительнее, как быстро произошел разрыв. Еще Декарт, живший в середине XVII века, не проводил никакого различия между философией и наукой. Современники считали его продолжателем научных исследований Галилео Галилея, но потомки отнесли его скорее к философам, нежели к ученым. Хотя для самого Декарта, повторюсь, никакой разницы не было. Несколько десятилетий спустя Лейбниц и Ньютон оказались по разные стороны казавшейся непреодолимой пропасти, которая разделила науку и философию, несмотря на то что Лейбниц считал себя ученым, а Ньютон – философом, что отражено в названии его самого известного труда «Математические начала натуральной философии» (1687). Впоследствии многие философы внесли важный вклад в науку: к примеру, Кант прославился как физик еще до того, как разработал свою философию, но к тому времени различие между этими двумя видами деятельности уже стало общепризнанным.

В эпоху Просвещения философия и наука заключили союз в борьбе за рациональный взгляд на мир, который должен был прийти на смену суевериям и предрассудкам, и выступили единым фронтом против религии. Впрочем, один из союзников оказался значительно сильнее другого, и философия вынуждена была пуститься на поиски новых задач. К примеру, она могла стать своего рода вассалом науки и заниматься прежде всего устранением метафизических препятствий на пути развития своего сюзерена. Такой взгляд на роль

философии получил широкое распространение, особенно в англоязычном мире. Исходя из этого взгляда, философия сама по себе не может служить источником позитивного знания и должна довольствоваться расчисткой дороги от препятствий, мешающих науке в поиске знаний. Другими словами, собственно философских проблем с этой точки зрения не существует.

Взгляд на философию, как на вспомогательную дисциплину, пришел на смену традиционному пониманию философии как праматери всех наук. В попытке защитить статус философии как самостоятельной дисциплины многие философы, в особенности немецкие идеалисты, провозгласили философию сверхнаукой, которая может подчинить себе естествознание, и для Гегеля философия была дисциплиной, которая систематизирует все научные области и тем самым придает им полноценность. Однако после падения гегельянства стало очевидно, что науке совсем не нужна философия, и к концу XIX века философия оказалась выброшенной на периферию, а статус главной науки получило естествознание. С тех пор эта тенденция только усиливалась. В XX веке научные исследования развивались так бурно, что теперь наука считается не просто одним из источников истины, но ее единственным Источником. А место философии – на задворках. Получается, что наука оттеснила своего прародителя.

Когда философии удастся выделить новую область действительности и развить методологию для исследований в этой области, возникает новая научная дисциплина, которая сразу же отделяется от философии. Физика и математика произошли от древнегреческой космологии. Экономика как научная дисциплина имеет истоки в философии утилитаризма, юриспруденция и политология – в политической философии, а лингвистика – в философии языка. Философия постоянно оказывается повитухой при рождении новых научных дисциплин. Все естественные науки родились подобным образом в эпоху научной революции, в XIX веке так появились на свет психология, социология и педагогика, а в XX веке – лингвистика, информатика и когнитивистика.

Многие философы недовольны этим, потому что таким образом область философии постоянно «съеживается», но, с другой стороны, можно сказать, что порождение новых наук – одна из важнейших задач философии. Философия, которая постоянно «теряет» области действительности, уступая их новорожденным научным дисциплинам, – это продуктивная философия, и именно такой она должна быть. Вместе с тем постоянное деление суммы человеческих знаний на все большее количество научных дисциплин, непрерывное ее дробление наделяет философию новой и весьма важной синоптической – объединяющей – функцией. В свете этого весьма прискорбно, что философия становится такой же раздробленной и узкоспециализированной, как современные научные дисциплины, ведь и она, в свою очередь, равняется на них.

Отношения между философией и наукой

Ни один вопрос не может быть слишком общим – равно как и слишком узким – для философии. Но философские вопросы не являются эмпирическими. На них нельзя ответить, просто-напросто указав на соответствующие эмпирические данные. Если на вопрос можно ответить просто, значит, это не философский вопрос. Именно поэтому некоторые вопросы, которые изначально были философскими, со временем становятся научными. К примеру, в какой-то момент такой переход совершил вопрос о праматерии. Теория об атомах, разработанная Демокритом и Лукрецием, была попыткой дать исключительно умозрительный ответ на вопрос, каковы мельчайшие составляющие материи. Сегодня этот вопрос относится к области физики, а не философии. Вместе с тем физики могут сделать ряд предположений об элементарных частицах, и эти предположения в свою очередь могут стать

предметом философских изысканий. Наглядный пример – философские вопросы, возникшие вследствие открытий в квантовой физике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.